
**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ В 20–30-е гг. XIX в.:
НА ПУТИ К НОВОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ**

М. Н. Приёмьшева

Трудно переоценить в истории русской культуры, русской филологии и русской истории такое событие, как выход Словаря Академии Российской (1789–1794 гг.).

В истории русской лексикографии этот факт можно считать уникальным еще и по причине сроков создания этого словаря: далее в традициях создания русских академических словарей этот словарный «подвиг» не будет повторен ни разу.

Издание САР² растянется на 16 лет (1806, 1809, 1814, 1822 гг.); создание третьего по счёту толкового академического «Словаря церковнославянского и русского языка, составленного вторым отделением Императорской Академии наук» (1847 г.) займет более 20 лет. Следующий академический «Словарь русского языка» будет подготавливаться с 50-х гг. XIX в., а первый его выпуск выйдет только в 1895 г. (под редакцией Я. К. Грота). Последующие тома (под редакцией академика А. А. Шахматова) будут выходить до 20-х гг. XX в., но словарь так и не будет закончен. Академические словари в XX веке не менее длительны по срокам подготовительной и составительской работы.

Следует сказать, что в отношении к «Словарю церковнославянского и русского языка» 1847 г. история науки оказалась достаточно необъективна. Российская академия была преобразована во II Отделение Императорской академии наук в 1841 г., после смерти А. С. Шишкова, а в 1847 г. вышли все 4 тома нового словаря. Это привело к возникновению не вполне спра-

ведливых оценок в отношении истории его создания. Позволим себе вслед за В. В. Розановой процитировать следующее высказывание П. А. Плетнева на заседании II Отделения: «с истечением 1847 г. кончился и первый и главный труд Отделения русского языка и словесности – оно составило и напечатало Словарь церковнославянского и русского языка... Так как отделение учреждено в конце 1841 г., то труд этот совершен ровно в шесть лет»¹. Новый академический словарь оказался, как будто, удачным и *быстрым* результатом деятельности преобразованной академии.

Однако, как отмечал А. Х. Востоков в «Предисловии» к словарю, «Российская Академия в последние годы существования своего предполагала приступить к новому изданию этой книги <...> 74398 слов *было уже собрано и объяснено*»². Подчеркнем, что общий словник опубликованного словаря составлял 114749 слов, то есть преимущественная часть материалов к 1841 г. была подготовлена. Таким образом, создание третьего академического словаря, ставшего детищем II отделения, концептуально, исторически, генетически восходит к периоду деятельности Российской академии в последние два десятилетия ее существования.

В истории науки есть несколько работ, посвященных истории создания данного словаря³. И можно сказать, что лингвисты вполне законно датируют начало работы над ним 1827 г., когда на обсуждение Российской Академии был вынесен план будущего словаря – «Начертание Российского словаря, азбучным порядком расположенного», – и началась целенаправленная работа по его составлению.

Однако работы и планы по его составлению возникли гораздо раньше: в 1813 г. одной из главных задач Российской Академии новый ее президент А. С. Шишков поставил не только скорейшее переиздание первого словаря, но и создание нового. В 1815 г. в первом выпуске Известий АН была напечатана его статья «Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря», ставшая, по существу, теоретическим проектом

¹ Цит. по: *Розанова В. В.* Словарь церковнославянского и русского языка // История русской лексикографии / Под ред. Ф. П. Сороколетова. СПб., 1998. С. 164.

² *Востоков А. Х.* Предисловие // Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 1. С. X., курсив наш – *М. П.*

³ *Розанова В. В.*: 1) Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 1–4 (История создания, принципы построения). СПб., 1847. Дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук. Л., 1952.; 2) Словарь... // История русской лексикографии... С. 163–188; *Щекин А. С.* Предисловие к репринтному изданию 2001 г. // Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Репринтное издание. СПб., 2001. С. 3–8.

нового словаря. В ней Шишков, в частности, замечает: «вновь составляемый <...> Словарь Российской Академии по буквенному порядку есть не что иное, как тот же самый Словарь, переделанный из словопроизводного в букварный и потому столько же, как и тот, неудовлетворителен». Поэтому новый словарь необходимо делать «на ином основании, гораздо обширнейшем прежняго»⁴.

Сохранение в подготовке САР² старой концепции и основного фонда (из САР¹ добавлено только 8131 слово) вызвали ряд критических замечаний у современников о нецелесообразности, и главное, о неоправданных сроках выхода второго издания: основной словарь был составлен за период, втрое меньший по времени. Поэтому в 1810–20-е гг. закономерным становится вопрос о создании нового большого толкового словаря русского языка.

Подобная идея возникала не только в Российской академии. Отметим предложенную в 1816 г. московским «Обществом любителей Российской Словесности» концепцию словаря русского языка, над которым до 1824 г. работали А. В. Болдырев и И. И. Давыдов. Этот словопроизводный словарь, первые статьи которого увидели свет в 1818 г. в «Трудах» Общества, также, однако, вызвал значительные споры — в первую очередь, с точки зрения этимологии. В 1824 г. появился составленный И. Ф. Калайдовичем «Опыт правил для составления русского производного словаря, с некоторыми замечаниями на правила, принятые Обществом <любителей Российской Словесности>». Проект этот так и остался незаконченным ввиду неразработанности теоретических грамматических вопросов подачи гнездового материала⁵.

В Российской же академии планы по созданию нового словаря становились все более определенными. На заседании 18 сентября 1820 г. Шишков выступил с докладом, в котором расширил критику работ Академии по переизданию САР¹: «Академия состоит из шестидесяти человек членов (редко в полном числе). Сии члены не всегда могут действовать с равною ревностью и единодушием. Одни из них отсутственны, другие заняты, третьи не расположены, и так далее. Многие по разным причинам весьма редко или никогда не посещают Академических собраний, другие хотя и посещают, но не все упражняются в сочинениях. Многие печатают свои произведения сами от себя, то есть особо, не внося их в Академию <...> Предприятие какого-нибудь важного сочинения, например словаря, не мо-

⁴ Шишков А. С. Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря // Известия Российской Академии. СПб., 1815. Т. 1. С. 3.

⁵ См. Булич С. К. Очерки истории языкознания в России (XIII – 1825 г.). СПб., 1904. Т. 1.

жет иначе быть производимо, как старанием определенных на то трех или четырех членов, которые бы по предначертанному плану беспрестанно тем занимались. Они должны собрать, приготовить, определить, утвердить слова, обогатить примерами, и потом прочитывать их в собрании, для некоторых токмо замечаний <...> Без сего словарь не составится, и даже полнота и достоинство его к ним должны относиться; ибо никакой труд иначе не совершается, как уединенным и беспрепятственным размышлением»⁶.

Вскоре, на заседании 21 января 1821 г., Шишков выступил с программой работы Академии, которая, по его мнению, заключалась в создании: I. Словаря по корням, или Словопроизводного. II. Словаря сравнительного всех славянских наречий. III. Словаря Технического, или собрания слов, употребительных в науках, художествах, ремеслах и рукоделиях. IV. Словаря Словесных наук, или собрания слов, употребительных в логике, стихотворстве, истории, риторике и грамматике. V. Риторике всеобщей. VI. Риторике общей. VII. Поэзии. VIII. Собрания отличных сочинений, избранных из российских писателей. IX. Преложения на российский язык иностранных классических писателей. X. Грамматики. XI. Правил для единообразного написания⁷.

Как видим, первоочередной задачей деятельности Академии названо здесь составление словопроизводного словаря. Шишков предлагал каждому Члену Академии «а) рассмотрение корня, сколько пустил он от себя колен и сколько при каждом колене ветвей, в) подробное сих ветвей исчисление с определением значения каждой из них и с присовокуплением к каждой отысканного в книгах, или нарочно сочиненного, хорошего примера, одного или нескольких. <...> Академия, выдав награждение⁸, хранит сие сочинение в рукописи, доколе не соберет столько, что может приступить к изданию всего словаря»⁹.

В 1822 г. работа в Академии велась тремя комитетами: *Издательным* (в составе П. И. Соколова, В. М. Севергина, П. А. Шихматова и др.), задачей которого было скорейшее издание словаря по азбучному порядку; а также *Рассмотрительным и Попечительным*, рассматривавшими поступавшие в Академию соответственно прозаические и поэтические сочинения. После выхода последнего тома САР² в 1822 г. прежний Издательный

⁶ О некоторых постановлениях и происшествиях в Российской Академии // Известия Российской Академии. СПб., 1820. Т. 9. С. 18–19.

⁷ Известия Российской Академии. СПб., 1822. Т. 10. С. 38–49.

⁸ По 60–100 р. за печатный лист.

⁹ Известия... Т. 10. С. 51.

комитет прекратил свое существование; это имя было присвоено прежнему Рассмотрительному комитету, и именно его членам под руководством А. Х. Востокова было поручено заниматься составлением нового словаря. 16 апреля 1827 г. комитетом был представлен план нового словаря по алфавитному порядку, разработать который ему было поручено во второй половине 1826 г. После смерти нескольких членов и начала в 1835 г. реальной работы было решено создать новый комитет – Словарный – в составе 11 человек, большая часть которых и стала впоследствии авторами Словаря 1847 г.: А. Х. Востоков, В. А. Поленов, М. Е. Лобанов, И. А. Вельяминов, П. А. Загорский, В. И. Панаев и др.¹⁰

Помимо этих первых шагов, следует выделить несколько других направлений работы Академии, которые стали серьезной подготовительной школой для будущего Словаря.

Во-первых, это работа отдельных членов Академии по составлению отраслевых словарей, ставших не только самостоятельными лексикографическими «продуктами» Академии, но и словарным материалом для большого толкового словаря. К подобной деятельности этого периода относятся отраслевые: «Технико-ботанический словарь» (1820 г.) и «Словарь родовых имен растений» (1826 г.) И. И. Мартынова; «Общий церковнославяно-русский словарь» П. И. Соколова (1834 г.), работа над которым финансировалась академией с 1828 г. и для рассмотрения которого был создан специальный комитет, куда входили А. Х. Востоков, П. А. Ширинский-Шихматов, Д. И. и И. И. Мартыновы. Материалы этого словаря практически полностью вошли в состав будущего «Словаря» 1847 г.

Во-вторых, это индивидуальная очень активная лексикографическая деятельность самого А. С. Шишкова, которая подробно освещалась «Известиями» Российской академии и которую он, очевидно, полностью посвящал подготовке будущего словаря. Только снижение активности Шишкова в отношении Академии с 1824 г., когда он был назначен министром просвещения и стал все меньше своих трудов публиковать в академических изданиях, может объяснить игнорирование в историографии его вклада в первый крупный труд II Отделения Академии наук.

Образ консерватора прочно закрепился за именем Шишкова почти на два столетия. Невысокой научной оценке трудов Шишкова способствовали и его некомпетентные этимологические опыты, в свете которых оценивали всю лингвистическую деятельность адмирала. Как и любая однозначная оценка, такая точка зрения представляется односторонней. Не переходя

¹⁰ Подробнее см.: Известия Российской Академии. Т. 9–10; *Розанова В. В.* Словарь... // История русской лексикографии... С. 164–167.

в другую крайность и не преувеличивая заслуг Шишкова, особенно в лексикографии, остановимся на тех моментах в его взглядах, которые с исторической точки зрения можно оценить положительно и даже достаточно высоко.

Некоторые важные лексикографические положения, сформулированные Шишковым, позволяют говорить об определенной преемственности исходных замыслов Академии 1820-х гг. и получившегося в 1847 г. результата.

Рационалистический, системный, логический подход к языку, свойственный Шишкову как человеку эпохи классицизма, его языковая компетенция, увлеченность филологией обусловили тот факт, что в истории русской языковой культуры он остался не только поборником «чистоты старого слога». В многочисленных созданных им лексикографических трудах в полной мере проявилось его стремление к научной систематизации, упорядоченности во всем (самое главное – в языке).

В «Очерках истории языкознания в России» С. К. Булича Шишков постоянно называется автором-дилетантом, его деятельность в роли президента Академии наук оценивается негативно, прежде всего, из-за общей тенденции консервативности и бездействия последней, но нет ни одного раздела книги, в котором бы не прозвучало имя Шишкова как одного из первых его представителей. Особенно это касается вопросов этимологии, словопроизводства, лексикографии и, подчеркнем, семасиологии. Отсутствие профессионализма, базовых филологических теоретических знаний у Шишкова искупалось, на наш взгляд, невероятной заинтересованностью в вопросах лингвистики, работоспособностью, интуицией, стремлением к развитию и усилению роли науки, образования, культуры.

Следует отметить, что Шишкова в лексикографии трудно назвать дилетантом. Учитывая тот факт, что САР¹ – первый академический опыт русской лексикографии, понятно, что создавался он, когда лексикографическая теория в России еще не была разработана, и практически все начинания в этой области были эмпирическими. Поэтому по решению целого ряда лексикографических вопросов А. Шишкова можно назвать новатором.

Словари Шишкова являлись не только предварительными словарными материалами будущего большого Словаря русского языка. Это своего рода дань и логическое следствие эпохи классицизма, когда рационалистическое стремление к упорядочению, систематизации вело к пониманию предельности, конечности большинства явлений, а потому и к возможности их тотального описания и изучения.

Словари Шишкова можно высоко оценить с двух сторон. Во-первых, каждый из них является самостоятельно значимым, хоть и небольшим, словарем, типология которого предвещает будущее разнообразие словарей в последующий период. И, во-вторых, по замыслу автора, – это различные части одного и того же большого словаря. Более того, и в предисловии к ним, и в ряде своих статей Шишков достаточно четко и логично формулирует целый ряд лексикографических принципов, которые в совокупности условно можно считать прообразом традиционного проекта словаря, а некоторые из них будут постулироваться лишь в конце XIX в. при создании уже четвертого по счету Академического словаря под редакцией Я. К. Грота, а затем А. А. Шахматова.

Помимо «Трехязычного морского словаря» (1795) и «Морского словаря» (1835–1840), перу А. С. Шишкова принадлежат еще несколько словарей; три из них – большие этимологические опыты, часть из которых представлена в виде таблиц¹¹. Но два словаря, посвященные описанию малоупотребительной лексики и оттенков семантики слов собственно русского языка, представляют для истории лексикографии особый интерес.

«*Опыт Словаря, или слова и речи, выписанные из Священного писания для показания знаменования оных*»¹² представляет собой тип толкового функционального словаря, который описывает те случаи редкого употребления известных слов, которые не вошли в САР¹. Шишков достаточно тонко ориентируется в семантических нюансах функционирования слова, и в этой связи сам тип словаря для времени его создания беспрецедентен.

«*Опыт Славенского Словаря, или объяснение силы и знаменования коренных и производных русских слов, по недовольному истолкованию оных мало известных и потому мало употребительных*»¹³ представляет собой в традиционной современной терминологии словарь редких и устаревших слов, но Шишков не просто трактует значения устаревших слов; он, скорее, «актуализирует» эти слова для современников. Можно привести следующий характерный пример: **Бабы**. Устар. Созвездие из семи звезд, «находящееся в знаке тельца... , иначе называемое утичье гнездо, а более известное под иностранным именем Плеяды», отсюда – бабье лето (от половины Августа до половины Сентября, когда это созвездие начинает появляться куп-

¹¹ Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии президента и разных ученых обществ члена. СПб., 1825–1834. Т. 5–7, 12–16.

¹² Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803. С. 215–368.

¹³ Шишков А. С. Собрание... Т. 5. С. 35–262.

но с прочими звездами». Заметим, что большая часть словника этого труда вошла в «Словарь» 1847 г., но, как правило, с другими толкованиями.

На основании этих словарей и программной статьи Шишкова «Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря» можно составить условный «Проект» академического словаря, который в полном объеме не был реализован, но многие аспекты которого, целенаправленно или случайно, были учтены при составлении словаря 1847 г.

- Словарь может быть организован только по «словопроизводству» «для лучшего понимания» всех уже малоизвестных слов одного корня. Более того, Шишков уподобляет каждый корень слова корню дерева. Поэтому словарь, расположенный «по словопроизводству», уподобляется роще деревьев, а по алфавиту – спиленным веткам и стволам, воткнутым как попало в землю. Несомненная ценность такого Словаря была сопряжена с колоссальной научной предварительной работой, и, как заметил впоследствии А. Х. Востоков, «словопроизводным словарем занятия по части лексикографии оканчиваются, а не начинаются. Ему должно предшествовать составление сравнительного словаря славянских наречий, предположенное и Вторым Отделением Академии»¹⁴.
- Очень важный вопрос, который Шишков рассматривает детально, – это *отбор словника*. Словарь должен включать «известные в языке слова» в данный период времени – те, которые употребляются в разговорах и в книгах. Особенно подчеркнем методическую значимость этого тезиса: академические словари, начиная с четвертого академического словаря (1895), составлялись на базе специально собранной картотеки (сейчас Картотека Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН). Многолетняя предварительная работа над словарем заключалась в том, что собирались цитатные материалы из специально отобранных источников, преимущественно из художественной литературы: словник словаря, значения слов и употребления с последней четверти XIX в. составляются только на базе реальных фиксаций слова.
- Каждому корню должна быть дана этимологическая справка: что именно этот корень обозначал в древности.
Далее следуют ограничения:
- Иностранные слова следует включать только те, которые органично вошли в язык и повсеместно употребляются (все новые, редкие иностранные слова Шишков рекомендует включать отдельным списком в конце словаря). Их количество непостоянно, причины их появления

¹⁴ Востоков А. Х. Предисловие... С. IX.

часто не ясны и т. д. Если включать такие слова в основной словарь, то это, по мнению Шишкова, будет словарь всех языков. В целом положение теоретически реализовано в Словаре 1847 г. Однако заметим, что практически все слова на букву А, подчеркнутые в редакторской рукописи Словаря Академии Российской (1793)¹⁵, которые Шишков планировал дать в отдельном списке (*адамант, адонаи, акафист, акация, акула, аклей, акриды* и др.), остались в словнике Словаря 1847 г.

- Собственные имена земель, гор, рек и т. п. не могут иметь места в Словаре, так как их очень много. Самые известные из них следует поместить отдельным списком в конце Словаря.
- Имена зверей, птиц, трав и т. п. должны быть охарактеризованы очень кратко, их нужно давать «с кратким объяснением, сколько нужно для языка, а не для науки».
- Малоупотребительные и неизвестные слова, которые употребляются в летописях, преданиях, народных сказках должны быть обязательно истолкованы, в противном случае, зачем нужен словарь, если искать в нем только то, что знаешь. Те слова, значений которых уже не восстановить, необходимо «припечатать отдельным списком».
- Областные слова необходимо давать только те, которые попали в общий язык.

Практически все отмеченные положения реализованы в Словаре 1847 г. Следует вспомнить, что и сам словарь беспрецедентно «объединил» две языковые стихии – церковнославянскую и русскую, о необходимости чего Шишков писал еще в «Рассуждении о старом и новом слог».

- Нововведения писателей, литературные новообразования не должны быть включены в словарь. Как отмечает Шишков, «новые слова человек подыскивает, придумывает, потому что не знает своих». В целом «Словарь» 1847 г. следует этому принципу, однако, как заметила В. В. Розанова, есть ряд нарушений: сюда включено несколько окказионализмов Гнедича: *грязноутесный, длиннохитонный, лепокудрый, пространновластительный* и др.¹⁶.
- Помимо общей систематизации лексикографических принципов отбора словника, которую Шишков вслед за опытом САР¹ разрабатывает несколько глубже и методичнее, он впервые подводит к материальной основе и семантику. Вспомним его анализ употреблений слова «свет» и

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 4. № 1.

¹⁶ Розанова В. В. Словарь... // История русской лексикографии... С. 181.

семантические схемы в «Рассуждении о старом и новом слоге»¹⁷. Таким образом, Шишков рационально подходит не только к отбору лексики, но и к описанию семантики, что теоретически сделано было впервые. Там же он отмечает, что уже необходимо «составить вновь такой словарь, в котором всякое слово объяснено было, во-первых, *множайшими текстами, показывающими во всей обширности круг знаменования онаго*; во-вторых должно стараться показать корень онаго и присовокупить к тому свои примечания и рассуждения, какая понятия в Российском слове изображать им пристойно...»¹⁸. То есть, значения должны быть проиллюстрированы, что впоследствии станет обязательным в толковых словарях, а сам словарь должен быть нормативным.

Несмотря на то, что не все положения концепции А. С. Шишкова были реализованы в будущем словаре (в этой связи безусловны приоритеты идей А. Х. Востокова, особенно ценность его грамматической концепции), важной в этот период академической деятельности, связанной с его инициативами и решениями, на наш взгляд, оказывается методология словарной работы: этапность подготовительной работы над «фрагментами» лексической системы русского языка, теоретическое осмысление сложных вопросов (семантика), решение ряда конкретных практических задач будущего словаря.

Таким образом, хотя период словарной деятельности Российской академии 20–30-х гг. мало освещен в печати, а то, что опубликовано в «Известиях...», отражает в основном идеи Шишкова, это время можно считать периодом формирования теоретических основ русской лексикографии и началом ее научной истории. Методичный, системный подход к подбору словника, а также системный подход к описанию единиц (этимологический, деривационный, семантический, нормативный) и, что не менее важно, теоретическое осмысление этих аспектов, привычное в истории лексикографии с конца XIX в., хронологически следует отнести к лексикографической деятельности Российской академии в последние двадцать лет ее существования.

¹⁷ Шишков А. С. Рассуждение... С. 30–33, 37–39.

¹⁸ Там же. С. 173–174.